

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕНОМ И ПЕДАГОГЕ: И.Д. КУЗНЕЦОВ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТКИ

***Аннотация:** в работе, основанной на личных воспоминаниях, воссоздаётся образ И. Д. Кузнецова прежде всего как преподавателя – та грань его деятельности, которая до сих пор оставалась почти не запечатлённой в литературе. Автор училась на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета в 1974–1979 гг., когда Иван Данилович был профессором кафедры истории СССР. Воспоминания носят подчёркнуто личный характер: они фиксируют внешность и манеру поведения учёного, его лекторский стиль, отношения со студентами и коллегами, а также восприятие его судьбы учениками 1970-х годов.*

***Ключевые слова:** Чувашский государственный университет, историко-филологический факультет, преподаватель, лекции, научная школа, воспоминания, история Чувашии.*

***Введение.** Традиция проводить в университете мемориальные конференции памяти профессоров, внесших вклад не только в чувашскую науку, но и в развитие образования, – добрая и, как мне кажется, очень важная. Готовясь к конференции, посвященной Ивану Даниловичу Кузнецову, я сочла необходимым поделиться своими воспоминаниями, потому что, наверное, остаюсь одной из немногих еще работающих деятелей, которые его помнят и которые слушали его лекции. Но помнят не только как ученого – о Кузнецове-исследователе и организаторе написано немало статей, – а как преподавателя высшей школы. Именно об этой стороне почти не сохранилось свидетельств.*

Сразу оговорюсь: я не была его коллегой, а простой студенткой, им восхищавшейся. Он мой учитель и преподаватель, и мой рассказ – о нем именно в этом качестве. Я училась на историко-филологическом факультете с 1974 по 1979 годы. Иван Данилович вышел на пенсию в 1980 году, когда я уже окончила университет и уехала в аспирантуру в Ленинград, поэтому после этого мы с ним практически не встречались. Когда я вернулась и стала преподавать, его на факультете уже не было.

Внешность и манера поведения. Первое, что хочу отметить: Иван Данилович очень выделялся среди всех преподавателей факультета – чисто внешне, по манере одеваться и держаться в коллективе. Он не был похож на профессоров советского времени, которые обычно ходили в строгих пиджаках, с галстуками и держали дистанцию между собой и студентом.

Он выделялся среди профессоров прежде всего одеждой. Был невысокого роста, постоянно сутулился. Я его ни разу не видела в галстук: он ходил в рубашках, как правило темного цвета, и часто вместо пиджака надевал что-то типа вязанного кардигана. На фоне парадно одетых профессоров он выделялся уже этим, и это сразу приковывало к нему внимание.

По характеру, чисто личностно, Иван Данилович был для общения внешне достаточно непростым человеком. Он никогда не стремился говорить людям комплименты и приятные вещи, голос у него был немного резкий, речь отрывистая. Когда я поступила на факультет, он, после долгих лет заведования кафедрой истории СССР, передал свой пост Петру Владимировичу Денисову и оставался просто профессором [1, с. 83]. На старших курсах я была членом ученого совета как секретарь комсомольской организации факультета и хорошо помню, что и на ученом совете, и на общих собраниях он всегда выступал очень резко, чаще всего критически. Услышать от него похвалу было сложно. Возникало ощущение, что его немного побаивались – именно потому, что понимали: он скажет всю правду в глаза, ничего не опасаясь.

Урок научной честности. Особенно запомнилось мне его выступление на одной студенческой конференции. Как это часто бывает, мы изучали историю

Чувашии, и темы докладов нам просто раздали. Мой доклад был для меня проходным: я тогда уже увлекалась историей зарубежных стран и особого внимания ему не уделила – каюсь. Но меня поразило, как Иван Данилович вел секцию: внимательно слушал, все записывал и задавал очень точные и жесткие вопросы. А после окончания секции разобрал критически все доклады. Он сказал, что мы все списали, и – что меня поразило больше всего – прямо указывал, что вот это списано из такой-то книги, а это из такой-то. Его доскональное знание литературы позволяло ему сразу определять источник. Докладов было больше десяти, и речь шла не только о моем. Досталось всем выступавшим. Встает вопрос: хорошо это или плохо? С одной стороны, его острокритическое выступление многих расстроило. Но с другой – я выступала на очень многих конференциях, а запомнился именно этот разбор. Он стал для меня определенной школой: к своему докладу надо относиться внимательнее и нельзя надеяться, что все «прокатит» просто так. Чрезмерная, может быть, критичность оказалась по-своему хороша и полезна для меня.

Лекции «не по теме» как школа. Мне очень запомнились его лекции. Мы были молодыми и многого еще не понимали. Студент, слушая преподавателя, хочет прежде всего того материала, который спросят на экзамене, и следит, читает ли лектор по учебнику или дает свое. Наша первая реакция на лекции Кузнецова была: зачем нам это надо? Методически, вроде бы, это были не очень хорошие лекции: он объявлял тему, а затем увлекался и начинал рассказывать что-то о научных проблемах и их исследователях, лично ему знакомых – на первый взгляд не по теме. Мы не понимали, кто у нас это будет спрашивать и как мы будем это на экзамене рассказывать. Но оценила я эти лекции спустя годы, т.к. поняла – это был глубокий анализ знатоком основных проблем истории Чувашии, чего нельзя было прочитать в учебнике.

Очень запомнилась его лекция о В.И. Чапаеве – о том, как было обнаружено, что он родился в Чебоксарах и здесь учился. Он рассказывал, как жители Будайки пришли в кинотеатр (ныне «Родина»), узнали его в фильме и стали кричать: «Это ж наш Васька!» После этого Иван Данилович пошел в архивы,

стали изучаться церковно-приходские книги, и было установлено, что Чапаев действительно здесь родился. Насколько я могу судить по его рассказу, это делал именно он; во всяком случае, первой публикацией об этом была небольшая заметка в газете «Красная Чувашия», автором которой был Иван Данилович. Потом он рассказывал, как ездил по селам и искал, но не сам дом Чапаева, а сруб, который был продан. Это было так интересно, а где мы тогда вообще могли об этом услышать? [3, с. 95].

Интересно было и его личностное отношение к ученым – своим коллегам. Говоря о той или иной проблеме, он не ограничивался сухой историографией: начинал с того, что «фамилии называть не буду», но такой-то считает так-то – «это не так, он ничего не знает, он не работал в архивах». Особо непримиримо он был настроен по отношению к татарским ученым по вопросу о болгарском наследии. Меня поразила его фраза об одной послевоенной сессии, посвященной тому, какое отношение к Волжской Болгарии имеют чувашский и татарский народы: он провел критический анализ выступлений татарских ученых и сказал, что они «выплеснули из ванны грязную воду вместе с ребенком». Он считал, что именно чувашский народ является наследником Волжской Булгарии. Всех ученых, о которых говорил, он знал лично, и оценки его были очень глубокими, но субъективными.

Мы сидели, открыв рты, и слушали эти рассказы, не записывая. Мы не понимали, что это может представлять историческую ценность спустя годы, что с нами делится знаниями один из ведущих специалистов. Мы недооценивали его. Со студентами он тоже был неласков: очень строг, жестко выговаривал тем, кто опоздал или не знал материал.

Свобода от правил и память о репрессии. Меня поражало еще его очень независимое поведение. Он курил, и достаточно много, папиросы «Беломор». Тогда отношение к курению было гораздо более лояльным, на факультете даже было место, где курили вместе и студенты, и преподаватели. Но он курил во время лекции. Говорил: «Ну, сейчас я закурю», после этого открывал дверь, останавливался на пороге – вроде бы формально он выйдет в коридор, но про-

должал курить и рассказывать лекцию. Это подчеркивало, что он был достаточно свободен от правил и этикета, считал себя выше этого.

Мы знали, что он был репрессирован, что сидел в ГУЛАГе и, говорят, даже работал там в каком-то статистическом управлении. Сам он об этом нам никогда не рассказывал. В 1970-е гг. шла, я бы сказала, ползучая реабилитация Сталина, не было ни осуждения, ни одобрения этих репрессий, но об этом принято было говорить шепотом. Но именно это пробуждало в нас интерес к нему, и мы прекрасно понимали, что он был репрессирован не по делу, не за что-то реальное, а потому, что придерживался не тех взглядов, которых придерживались некоторые государственные деятели Чувашии. Спрашивать об этом было невозможно. Мы прощали ему эту «непричесанность», понимая, что он сидел в лагерях и там научился этим не очень этикетным манерам.

При этом он был достаточно патриотичен: ничего против страны, ничего диссидентского из его уст не звучало. Было ощущение, что он считал себя одним из лучших ученых Чувашии. На ученом совете между профессорами – а тогда одновременно работали Василий Филиппович Каховский, Петр Владимирович Денисов и Василий Димитриевич Димитриев – часто вспыхивали споры, и в любой из них, даже если он не имел к нему отношения, Иван Данилович предпочитал вмешиваться. Своим жестким, прокуренным голосом он как бы ставил точку.

Оценка наследия и личности. Насколько я могу судить, самой значимой его книгой является книга по истории чувашского крестьянства, и он считается одним из основоположников аграрной школы. Но он писал и другие статьи, откликался на разные темы – не даром его считают и писателем, и журналистом: он часто публиковался в газетах и сборниках конференций. Он окончил Институт красной профессуры и был одним из первых ученых, происходивших из низов общества, кто получил марксистское образование. В связи с этим он считал себя специалистом во всех вопросах, не боялся никакого ответа и был достаточно эрудированным человеком. По любому поводу у него было собственное мне-

ние. Я думаю, это человек, без которого сложно представить историю чувашской науки, ее становление в советский период.

В 1990-е гг. появлялось немало статей, несправедливо очерняющих его: Кузнецова обвиняли в том, что он «мимикрировал», что после выхода из ГУЛАГа критиковал Сталина, что во время процесса вел себя не так. Я считаю немислимыми такие обвинения в отношении людей, которые столько пережили. Мы сейчас знаем, что были разные методы воздействия на людей во время допросов. А то, что он не сломался, продолжал работать и оставался ученым широкого профиля, говорит о нем как о человеке с железным стержнем. Вот это точно – железный стержень у него был. В памяти остались его голос, немного скрипучий, немного сгорбленная фигура и – орлиный взгляд. И манера говорить: он не обращался «уважаемый такой-то», а говорил прямо: «да-да-да, это надо сделать, а вы здесь неправы». Никому не боялся сказать то, что думает. Такие люди, наверное, нужны, особенно в науке.

Заключение. Важное значение имеет то, что Кузнецов подготовил достойных учеников, – можно даже говорить о научной школе, которую он заложил в нашем университете. Именно он открыл аспирантуру на кафедре. За это ему большое спасибо, и мы должны его помнить.

Что касается наших личных отношений, тесного общения между нами не было, и я даже не помню, как сдавала ему экзамен. Если не помню – значит, хорошо сдала: я была отличница. Напрямую мы с ним практически не разговаривали, и его роль в моем становлении я уже обозначила: после той конференции я стала внимательнее относиться к подготовке докладов. Слушать его лекции было очень интересно, но специализировалась я на другой кафедре и поэтому о его методике как научного руководителя не знаю.

Дополнить образ мне помогают рассказы Иды Ивановны Демидовой, его родственницы, – она относилась к нему очень тепло, хотя и с некоторой опаской, и рассказывала, что человек он был непростой [2, с. 132–133]. Помню, как после его смерти мы вместе с Идой Ивановной ходили к его родственникам, жившим в юго-западном районе, чтобы выразить соболезнования, и она стара-

лась их не оставлять. Помню ту квартиру, немного «запущенную». Это все, что я могу рассказать. Более точные свидетельства должны дать те, кто специализировался на его кафедре, – но, к сожалению, из моего поколения таких почти не осталось.

От души благодарю организаторов конференции за то, что память об Иване Даниловиче сохраняется.

Список литературы

1. 55 лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. – 495 с.

2. Демидова, И. И. Немеркнувшие имена: воспоминания об ученых-историках ЧГУ им. И.Н. Ульянова / И. И. Демидова // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения) : сб. статей (Чебоксары, 15–16 октября 2014 г.). – Чебоксары : Интерактив плюс, 2014. – С. 129–139.

3. Устная история: изучение важнейших событий отечественной истории 1940–1990-х гг. по свидетельствам очевидцев : учеб. пособие / сост. Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева ; отв. ред. О. Н. Широков, О. Г. Вязова ; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Среда, 2022. – 196 с.